

- Haufmann G. V. A. Excavations and Restovration at Sardis // TAD. 1974. № 21/2. P. 59–77.*
- Kirsten E. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Intern. Byzantinistenkongre?. Munchen, 1958. Bd. 5. S. 1–48.*
- Ostrogorsky G. Byzantine Cities in Early Middle Ages // DOP. 1959. № 13. P. 45–65.*
- Ostrogorsky G. The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century // DOP. 1959. № 13. P. 1–22.*
- Patlagean E. Pauvrete economique et pauvrete sociale a Byzance, 4–8 s. P., 1977.*
- Smedley J. Archaeology and the history of Cherson: A survey of some results and problems // Αρχειον Πόντου. 1979. № 35. P. 172–192.*
- Todorova E. One of Black Sea Routes. 13th–15th Centuries // Le Povoire central et les villes en Europe de l'Est et Sud-Est du XVe siecle aux débuts de la revolution industrielle: Les villes portuaires. Sofia, 1985. P. 156–162.*

Статья поступила в редакцию 30.05.2013 г.

УДК 35.082.21(09) + 94(47 + 57)

Д. О. Серов

В КАКОМ ВОЗРАСТЕ НАЧИНАЛИ СЛУЖБУ ПОДЬЯЧИЕ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Рассматривается вопрос о возрасте, в котором начинали государственную гражданскую службу в России в 1689–1710 гг. На основании широкого круга архивных данных установлено, что общий средний возраст поступления на гражданскую службу составлял в этот период 15,7 лет, а поступления в центральные органы власти — 14,8 лет. При этом почти половина лиц вступала в подьячие в возрасте до 15 лет. Кроме того установлена зависимость между ранним началом службы и последующими карьерными успехами государственного служащего.

Ключевые слова: российская бюрократия; подьячие; Табель о рангах; государственная гражданская служба; канцелярский персонал.

Вопрос о возрасте, с которого начинали брать на государственную гражданскую службу, представляется на первый взгляд узким и вряд ли заслуживающим исследовательского внимания. Однако узость этого вопроса обманчива.

Во-первых, без сведений о возрасте начала службы невозможно составить целостного представления о корпусе государственных служащих в соответствующий исторический период и подготовить надлежаще подробный коллективный портрет той или иной группы этих служащих.

Во-вторых, в России до начала XIX в., когда к государственным служащим, независимо от занимаемой должности, не предъявлялось никаких квалификационных требований, возраст поступления на гражданскую службу следует признать весомым (хотя и косвенным) показателем квалификации чиновников. Ведь при крайне слабом в те времена развитии отечественной системы школьного образования профессиональную подготовку гражданские

служащие получали главным образом непосредственно на рабочем месте, путем практического обучения. В подобных условиях очевидно, что чем раньше человек вступал в службу, тем он оказывался более обучаем, восприимчив к усвоению профессиональных навыков, что было существенной предпосылкой формирования у него в дальнейшем высокого квалификационного уровня.

Между тем вопрос о времени начала трудовой деятельности государственных гражданских служащих XVII–XVIII вв. доныне не рассматривался в литературе — ни в обобщающих исследованиях по истории российской бюрократии того времени [см., например: Plavsic; Демидова, 1987; Brown; Медушевский, с. 245–290; Троицкий, 1974, с. 155–294; Писарькова], ни в работах, в которых специально характеризовался персональный состав тех или иных правительственных учреждений [см.: Рогожин, с. 72–91, 96–145; Новохатко, с. 80–108; Зевакин; Балакирева, с. 132–164]. Не приведено ни единого упоминания о чьем-либо возрасте начала службы и в новейшем фундаментальном справочнике Н. Ф. Демидовой о корпусе дьяков и подьячих XVII в. [см.: Демидова, 2011].

Такая ситуация вполне объяснима. Дело в том, что до введения в 1764 г. формулярных списков чиновников сведения об их возрасте крайне редко фиксировались в делопроизводственной документации. Еще реже в одном документе совмещались данные и о возрасте, и о времени поступления соответствующего лица на гражданскую службу.

Применительно к периоду до 1760-х гг. к настоящему времени удалось выявить всего три подборки документов, в которых оказались систематически отражены сведения как о возрасте государственных служащих, так и о времени определения их к «статским делам». Исходя из массива данных, содержащихся в этих подборках, а также из стремления уяснить те традиции в комплектования правительственных учреждений канцелярским персоналом, которые существовали в нашей стране до административных преобразований 1710-х – начала 1720-х гг., хронологическими рамками настоящей работы были определены 1689–1710 гг.

Первая из упомянутых подборок документов состоит из составленных в августе – сентябре 1722 г. списков канцелярских служащих ряда местных учреждений Северо-Запада — Ревельской губернской и гарнизонной канцелярий, Нарвской провинциальной канцелярии, таможни, камерирской и рентмейстерской контор, Выборгской провинциальной канцелярии, таможни, камерирской и рентмейстерской контор, канцелярии Выборгского ландрихтера, Дерптской городовой канцелярии, а также Канцелярии над Ингерманландией [см.: РГАДА, ф. 286, кн. 2, л. 60–69 об., 72–74, 112–114]. Из этих списков довелось извлечь сведения о 25 лицах, начавших службу подьячими в 1689–1710 гг.

Вторую подборку образовал фрагмент переписи канцелярских служащих центральных учреждений 1737–1738 гг. Несмотря на то, что формуляр означенной переписи не предусматривал сбора информации о возрасте служащих, по какой-то причине такую информацию предоставила Военная коллегия (причем по персоналу не только аппарата коллегии, но подведомственных

контор и учреждений) [см.: РГАДА, ф. 286, кн. 203, л. 17–43, 73–85, 90–102]. Здесь удалось отыскать данные о 20 служащих, вступивших в подьяческий чин в рассматриваемый период.

Третья подборка документов — это материалы масштабной переписи чиновников 1754–1756 гг., введенные в научный оборот и специально охарактеризованные С. М. Троицким [1969]. В ходе переписи 1754–1756 гг. возраст государственных служащих указывался уже в обязательном порядке [см.: Там же, ф. 248, кн. 8122, ч. 1–3; ф. 286, кн. 439]. По материалам этой переписи среди персонала высших и центральных органов власти были выявлены сведения о 30 лицах, начавших гражданскую службу в 1689–1710 гг. Старейшим чиновником, которого перепись застала на рабочем месте, оказался М. П. Лосев, определившийся в подьячие Приказа Большого дворца как раз в 1689 г. В 1754 г. 77-летний Марко Лосев, как ни в чем ни бывало, трудился в должности секретаря в Московской дворцовой конторе (т. е. по существу в том же ведомстве, в которое он устроился 65 лет назад) [Там же, ч. 3, л. 1266 об.–1267].

Кроме данных из упомянутых подборок документов, информация о возрасте и начале приказной службы шести лиц, начавших приказную службу в конце XVII — начале XVIII в., оказалась зафиксированной в Записной книге приездов на смотр дворян 1721–1722 гг. [Там же, ф. 286, кн. 32, л. 102 об.–103, 132, 611]. Наконец, путем совмещения сведений о возрасте и о начале службы, извлеченных из разных документов, удалось определить время поступления в подьячие в рассматриваемый период еще пяти человек — И. Н. Венюкова, А. Ф. Докудовского, С. И. Иванова, П. А. Ижорина и И. Г. Молчанова.

Таким образом, стал известен возраст 86 лиц, поступивших на гражданскую службу в исследуемый период. Из них на протяжении 1689–1699 гг. в подьячие определилось 23 человека, а на протяжении 1700–1710 гг. — 63. Данная выборка представляется вполне репрезентативной (табл. 1).

Таблица 1

Период	1691	1697	1698	1699	1700	1701	1704	1705	1706	1707	1709	Всего за 1703–1707 гг.
Количество человек	2	4	1	1	4	1	9	7	8	9	9	38

Наибольшее число из круга указанных лиц поступили на службу в 1704, в 1707 также и в 1709 г. (по девять человек). Восемь человек начали службу в 1706 г. и семь — в 1705 г. Всего же за пятилетие (1703–1707) в подьячие определилось 38 человек (44,2 % рассматриваемого числа лиц).

Что касается возраста поступления на службу, то 21 человек (24,4 %) начали ее в 18 лет и старше. Из них пять человек определились в приказные учреждения в возрасте 23 лет, четверо — в 18 лет, по два человека — в возрасте 19, 22, 24 и 27 лет. Позднее всех вступили в «подьяческий чин» Иакинф Яковлев, начавший работу в Разрядном приказе в 1699 г. в возрасте 33 лет, и Ефим

Савоскеев, определившийся в Великолукскую приказную избу в 1706 г. в 31 год (чем означенные лица занимались до поступления на приказную службу, из выявленных документов неясно) [см.: РГАДА, ф. 286, кн. 2, л. 55—55 об., 114].

В свою очередь, 65 человек (75,6 %) начали трудовой путь в возрасте до 18 лет, в том числе 35 человек — в возрасте до 15 лет (40,7 %). Больше всего лиц поступили в подьячие в возрасте 14 лет — 13 человек (15,1 %), в 13 и 12 лет — 10 и девять человек (11,6 % и 10,5 %). В 16 и 17 лет начали гражданскую службу по восемь человек, в 15 лет — шесть человек и в 11 лет — пять. Таким образом, немногим менее половины лиц, вступивших в службу в 1689—1710 гг. (43,0 %), определились к «статским делам» 11—14-летними подростками. Суммарный средний возраст начала государственной гражданской службы всех рассматриваемых 86 лиц составил 15,7 лет (табл. 2).

Таблица 2

Возраст начала службы, лет	11	12	13	14	15	16	17	18	19	22	23	24	27	31	33
Количество человек	5	9	10	13	6	8	8	4	2	2	5	2	2	1	1

По собранным данным, к сожалению, не удалось выявить различие в возрасте начала службы в местных и центральных органах власти (каковое несомненно существовало). Несмотря на то, что первое место работы было названо в сведениях о 70 бывших приказных, среди них оказался всего 21 человек, определившийся в местные учреждения, что представляется недостаточным для репрезентативных подсчетов. Предположительно в местные органы власти чаще поступали в более старшем возрасте. Что же касается 49 лиц, начавших службу в 1689—1710 гг. в центральных учреждениях, то их средний возраст вступления в «подьяческий чин» составил 14,8 года.

Глубоко примечательно, что охарактеризованные подборки документов зафиксировали заметно различавшийся средний возраст поступления на приказную службу в 1689—1710 гг. Согласно материалам о 25 подьячих местных учреждений Северо-Запада 1722 г., средний возраст их вступления в службу составил 20,0 лет. Средний возраст определения к «статским делам» 20 канцелярских служащих Военной коллегии и подведомственных ей учреждений составил 15,5 лет. Наконец, средний возраст начала службы 30 бывших приказных, попавших в перепись 1754—1756 гг., составил 11,4 года.

Чем же можно объяснить подобный разнобой в средних цифрах возраста начала службы (особенно разительный между данными 1722 г. и 1754—1756 гг.)? Отмеченное расхождение, вероятно, можно объяснить различием квалификационного уровня лиц, попавших в соответствующие списки чиновников. В самом деле, подьячие, трудившиеся в 1722 г. в местных учреждениях

новозавоеванных территорий, образовывали несомненно группу карьерных неудачников. Служба в недавно присоединенных к России городах, в которых русское гражданское население в то время либо вовсе отсутствовало (Выборг, Ревель), либо было весьма малочисленным (Нарва, Дерпт), являлась полнейшим служебным тупиком, особенно для лиц, начинавших службу в Москве (каковых среди 19 подьячих, очутившихся в указанных городах, насчитывалось по меньшей мере десять человек). Не менее бесперспективной была служба (в аспекте карьерной перспективы) и в расположенной в Санкт-Петербурге карликовой Канцелярии над Ингерманландией.

Скажем, начавший службу в 22 года в 1697 г. Конюшенном приказе Василий Посников явно не мечтал о том, чтобы оказаться четверть века спустя (в возрасте 47 лет) подьячим средней статьи в Выборгской рентмейстерской конторе [РГАДА, ф. 286, кн. 2, л. 68 об.]. Вряд ли рвался на окраину империи Андрей Копцов, поступивший на службу в 1706 г. в возрасте 24 лет в Провиантский приказ. Между тем перепись 1722 г. застала 39-летнего А. Копцова на низшей должности молодого подьячего в Нарвской рентмейстерской конторе [см.: Там же, л. 113 об.]. По всей вероятности, не испытывал воодушевления от поворотов карьеры и Григорий Семенов, определившийся в 23 года в 1702 г. молодым подьячим в Разрядный приказ, а в 1722 г. пребывавший в той же самой должности в Ревельской гарнизонной канцелярии [Там же, л. 73]. Столь же очевидно, что если бы трое поименованных из названных приказных служителей обладали высоким профессиональным уровнем, московское руководство вряд ли откомандировало их в дальние ингерманландские и балтийские края. Мягко говоря, не блестящая карьера ожидала и наиболее поздно начавшего приказную службу упомянутого выше Иакинфа Яковлева: в 1722 г. на 57-м году жизни он состоял по-прежнему подьячим в Канцелярии над Ингерманландией.

Обратная ситуация сложилась с бывшими приказными, доработавшими до середины XVIII в. Из 30 государственных служащих, начавших трудовой путь в 1689–1710 гг. и попавших в перепись 1754–1756 гг., 24 человека (80,0 %) занимали должности от секретаря и выше (т. е., начиная с 10 класса Табели о рангах). При этом среди шести остальных не оказалось лиц в должностях ниже актуариуса, архивариуса и комиссара (14-й класс Табели). Иными словами, преимущественно это были люди, сумевшие как достичь очевидных карьерных успехов, так и закрепиться в рядах московско-петербургской бюрократии. В свою очередь, в отличие от тех «приказнослужителей», кто, поступив в подьячие уже великоковозрастными, оказался затем на низовых канцелярских должностях на северо-западных окраинах империи, будущие секретари и советники начинали службу в основном в достаточно юном возрасте.

К примеру, П. Ф. Булыгин определился в подьячие в Ратушу в том же 1702 г., что и упомянутый выше Григорий Семенов в Разрядный приказ. Правда, Петр Булыгин вступил в «подьяческий чин» в 10 лет, будучи моложе Г. Семенова на 13 лет. Зато Петру Федоровичу довелось куда более продвинуться в карьере, нежели будущему ревельскому гарнизонному подьячemu. В 1754 г. 62-летний П. Ф. Булыгин был титуллярным советником (9-й класс Табели) и

одним из руководителей Санкт-Петербургской портовой таможни [РГАДА, ф. 248, кн. 8122, ч. 1, л. 209–209 об.]. А вот начавший в 1702 г. службу подьячим в Симбирской приказной избе в возрасте 13 лет Ф. И. Андреев уже в июле 1741 г. был произведен в коллежские асессоры (8-й класс Табели), а к 1754 г. оказался в руководстве Главной полицмейстерской канцелярии [Там же, ч. 2, л. 474; Опись, № 8546].

Если же для полноты картины вычленить лиц, достигших чинов и должностей от 10-го класса Табели о рангах и выше из всех 89 рассматриваемых государственных служащих, то таковых окажется 34 человека. Из числа этих лиц только один — Борис Никитин — начал службу в возрасте старше 17 лет (а именно в 18 лет), а 21 человек (61,7 % этого круга) определились в подьячие в возрасте от 13 лет и младше, причем семь человек — в возрасте моложе 12 лет. Средний возраст поступления успешных в карьере чиновников на приказную службу составил 13,0 лет.

К примеру, Иван Рудин, поступив в подьячие Провиантского приказа в 1702 г. в возрасте 12 лет, дослужился впоследствии до секретаря в Военной коллегии (9-й класс Табели о рангах) [Там же, ф. 286, кн. 203, л. 17 об.]. Д. И. Невежин, начав службу в 1706 г. также в возрасте 12 лет, был уже в декабре 1721 г. произведен в секретари Юстиц-коллегии, а в июне 1734 г. назначен обер-секретарем Правительствующего сената (6-й класс Табели) [Там же, ф. 248, кн. 8122, ч. 2, л. 370]. Вступивший в службу в 1708 г. в том же 12-летнем возрасте А. Ф. Васильев в 1754 г. трудился в должности советника (6-й класс Табели) в Главной дворцовой канцелярии [РГАДА, ф. 248, кн. 8122, ч. 2, л. 859]. Кстати, в те же 12 лет определился в подьячие в 1689 г. и упомянутый ветеран приказной службы секретарь М. П. Лосев.

Наиболее высокого служебного статуса из числа рассматриваемых бывших приказных достигли М. С. Козмин и И. А. Черкасов. Начав гражданскую службу в 1703 г. в возрасте 13 лет, Матвей Козмин в феврале 1720 г. (в неполные 30 лет) стал дьяком в Камер-коллегии, а в сентябре 1722 г. был переведен в канцелярию сената. Будучи определен 14 октября 1724 г. обер-секретарем Правительствующего Сената, Матвей Семенович пробыл на этой должности почти треть века, до назначения 29 марта 1753 г. вице-президентом Камер-коллегии (5-й класс Табели) [Там же, кн. 649, л. 74; кн. 1932, л. 45; кн. 8122, ч. 2, л. 301 об.–302; Опись, № 10241]. Венцом карьеры Матвея Козмина явилась должность руководителя Главной соляной конторы и «генеральский» чин действительного статского советника (4-й класс Табели) [Опись, № 11660].

Младше М. С. Козмина на два года Иван Черкасов (сын стряпчего тамбовского архиерейского дома) начал службу также в 13 лет в 1705 г. во Владимирской приказной избе. Попав в 1712 г. на должность подьячего в царский Кабинет, Иван Антонович стал впоследствии кабинет-секретарем сначала императрицы Екатерины Алексеевны, а затем императрицы Елизаветы Петровны. За свои труды И. А. Черкасов был 24 мая 1742 г. пожалован титулом барона, а в сентябре 1757 г. произведен в действительные тайные советники (9-й класс Табели о рангах) [РГАДА, ф. 286, кн. 439, л. 94–94 об.; Опись, № 8809; Любимов, с. 111].

Чтобы окончательно уяснить, существовала ли взаимная связь между ранним вступлением в приказную службу и последующими карьерными достижениями соответствующих лиц, уместно рассмотреть собранные данные в обратной проекции — подсчитать, какое количество лиц, начавших службу в возрасте до 13 лет, достигло служебного успеха. Всего из характеризуемых 86 лиц в возрасте младше 14 лет начало службу чуть более трети — 29 человек, в том числе четверо в возрасте до 10 лет и один в возрасте 10 лет. Из этого числа 25 человек (86,2 %) дослужилось до чинов, входивших в Табель о рангах, в том числе 23 человека (79,3 %) — до чинов от 10-го класса и выше. И это при том условии, что в Табель о рангах не попала некогда вполне статусная «подьяческая» должность подьячего с приписью, отчего в число карьерно успешных лиц в рамках приведенных подсчетов оказался не внесен П. М. Юрьев, который, начав приказную службу в 1700 г. в возрасте 13 лет, в 1722 г. состоял подьячим с приписью в Калуге [РГАДА, ф. 286, кн. 32, л. 103 об.].

Противоположная картина вырисовывается, если обобщить сведения о карьере 21 человека, начавших в 1689—1710 гг. приказную службу в возрасте в 18 лет и старше. Из этого круга лишь трое (14,3 %) достигли чинов, внесенных в Табель о рангах, причем всего один (4,8 %) сумел занять должность выше 11-го класса. Этим единственным был упоминавшийся Борис Никитин, поступивший в службу в 1706 г. в 18 лет в Адмиралтейский приказ и достигший к 1754 г. должности обер-секретаря Адмиралтейской коллегии (7-й класс Табели) [РГАДА, ф. 248, кн. 8122, ч. 1, л. 184]. 16 августа 1760 г., на 54-м году службы в Военно-морском ведомстве, обер-секретарь Б. Никитин был произведен в коллежские советники [см.: Опись, № 11664]. Еще два человека — В. Д. Воронов и П. Жуков — дослужились до комиссаров (14-й класс Табели).

Карьерах всех остальных лиц, поступивших в «подьяческий чин» после 17 лет, сложились не лучшим образом. Помимо подьячих-неудачников из местных учреждений Северо-Запада, о которых шла речь выше, здесь можно вспомнить Леонтия Лустина, определившегося в Новгородскую приказную палату в 1704 г. в 24 года. В 1738 г. 58-летний Л. Лустин пребывал на весьма скромной должности подканцеляриста (так с начала 1720-х гг. стали называться подьячие средней статьи) в Военной коллегии. Руководство было не слишком довольно работой Леонтия, аттестовав его следующим образом: «Писать умеет, токмо стар и при свече мало видит. К тому ж худо слышит. А пьянства... за ним не видно» [РГАДА, ф. 286, кн. 203, л. 34 об.].

Сходно развивалась карьера Ивана Дьяконова, начавшего службу в 1710 г. в Ярославской приказной избе в 21 год. В 1738 г. 49-летний И. Дьяконов состоял подканцеляристом в Генеральном сухопутном госпитале. Деловые качества Ивана госпитальное начальство охарактеризовало довольно критически: «Управляет за главного писаря не с радением и ленив... К тому же писать не умеет» [РГАДА, ф. 286, кн. 203, л. 102].

По всей вероятности, не задалась карьера и у Л. М. Захарьина, поступившего в 1699 г. в Сыскной приказ в возрасте 23 лет: при явке на смотр дворян в 1722 г. он не обозначил ни своего чина, ни какого-либо места службы [Там

же, кн. 32, л. 132]. Даже до не вошедшей в Табель о рангах должности старого подьячего (переименованной в начале 1720-х гг. в канцеляриста) дослужились всего двое из характеризуемого круга — Иван Иванов и Филипп Суровцев. Учитывая, однако, что на приказную службу 23-летний Ф. Суровцев определился в 1697 г. не куда-нибудь, а в Посольский приказ (отработав затем в Приказе Большого дворца и в Ратуше), должность старого подьячего Выборгской камерирской конторы, которую он занимал в 1722 г., вряд ли являлась пределом его мечтаний [Там же, кн. 2, л. 67—67 об.].

При всей очевидности того факта, что бюрократическая карьера вековечно складывалась под влиянием многих факторов, приведенные цифры, думается, со всей определенностью свидетельствуют о том, что раннее определение в подьячие в конце XVII — начале XVIII в. являлось одной из ключевых предпосылок последующих успехов в службе. Разумеется, эта предпосылка могла воплотиться в жизнь при условии, если юный государственный служащий был обучаем и надлежаще мотивирован на бюрократическую деятельность. Остается только гадать, что именно помешало карьере, скажем, потомственно-го подьячего Ивана Голубцова, поступившего в 11 лет в 1698 г. в Сыскной приказ, а в 1738 г., на 40-м году службы, пребывавшего в подканцеляристах Военной коллегии [Там же, кн. 203, л. 35 об.]: природное «малоумие», леность или какая-нибудь развившаяся с возрастом склонность к «пьянистенным поступкам».

Подводя итог, следует констатировать, что на основании обработки сведений о 86 бывших приказных средний возраст поступления на государственную гражданскую службу в России в 1689—1710 гг. был исчислен в 15,7 лет, причем средний возраст начала службы в центральных органах власти составил 14,8 лет. Наиболее значительное число из отмеченного круга лиц (40,7 %) определились к «статским делам» в возрасте до 15 лет (в то время как в возрасте старше 18 лет — только 18,6 %). При отсутствии тогда в нашей стране системы школьного образования столь раннее вступление в службу значительной части подьячих способствовало формированию у них высокой квалификации (посредством длительного практического обучения непосредственно на рабочем месте). Не случайно, как явствует из собранных данных, 86,2 % лиц, начавших приказную службу в описываемое время в возрасте до 13 лет, достигли впоследствии чинов, включенных в Табель о рангах, причем 79,3 % из них дослужилось до чинов от секретаря и выше.

Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I. Юстиц-коллегия : учеб. пособие. Новосибирск, 2003. 352 с. [Balakireva L. M. Sudebnaya reforma Petra I. Yustits-kollegiya : ucheb. posobie. Novosibirsk, 2003. 352 s.]

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. 227 с. [Demidova N. F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovaniyu absolyutizma. M., 1987. 227 s.]

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625—1700) : биогр. справ. М., 2011. 720 с. [Demidova N. F. Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. (1625—1700) : biogr. sprav. M., 2011. 720 s.]

Зевакин Е. С. Подъячие Поместного приказа начала XVIII в. : (по «скаскам» 1706—09 гг.) // Ист. зап. М., 1941. Т. 11. С. 280—282. [Zevakin E. S. Pod'yachie Pomestnogo prikaza nachala XVIII v. : (po «skaskam» 1706—09 gg.) // Ist. zap. M., 1941. T. 11. S. 280—282.]

Любимов С. В. Родословная князей Ханджери, баронов Черкасовых и баронов Соловьевых // Тр. Тул. губерн. уч. архивной комиссии. Кн. 1. Тула, 1915. С. 109—127. [Lyubimov S. V. Rodoslovnaya knyazej Khandzheri, baronov Cherkasovykh i baronov Solov'evykh // Tr. Tul. gubern. uch. arkhivnoj komissii. Kn. 1. Tula, 1915. S. 109—127.]

Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России : сравнит. ист. исслед. М., 1994. 320 с. [Medushevskij A. N. Utverzhdenie absolyutizma v Rossii : sravnit. ist. issled. M., 1994. 320 s.]

Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М., 2007. 640 с. [Novokhatko O. V. Razryad v 185 godu. M., 2007. 640 s.]

Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век / сост. П. И. Баранов. СПб., 1878. Т. 3. XXXI, 513 с. [Opis' vysochajshim ukazam i poveleniyam, khranyaschimsya v S.-Peterburgskom Senatskom arkhive za XVIII vek / sost. P. I. Baranov. SPb., 1878. T. 3. XXXI, 513 s.]

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века : Эволюция бюрократической системы. М., 2007. 743 с. [Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka : Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy. M., 2007. 743 s.]

Рогожин Н. М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003. 432 с. [Rogozhin N. M. Posol'skij prikaz: kolybel' rossijskoj diplomatii. M., 2003. 432 s.]

Троицкий С. М. Материалы переписи чиновников в 1754—1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в. // Археогр. ежегодник на 1967 год. М., 1969. С. 132—148. [Troitskij S. M. Materialy perepisi chinovnikov v 1754—1756 gg. kak istochnik po sotsial'no-politicheskoi i kul'turnoj istorii Rossii XVIII v. // Arkheogr. ezhegodnik na 1967 god. M., 1969. S. 132—148.]

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. 395 с. [Troitskij S. M. Russkij absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. Formirovaniye byurokratii. M., 1974. 395 s.]

Brown P. How Muscovy Governed: Seventeenth-Century Russian Central Administration // Russian History. 2009. № 36. P. 459—529.

Plavsic B. Seventeenth-Century Chanceries and Their Staffs // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century / ed. by W. Pinter and D. Rovney. Chapel Hill, 1980. P. 19—45.

Статья поступила в редакцию 26.09.2013 г.